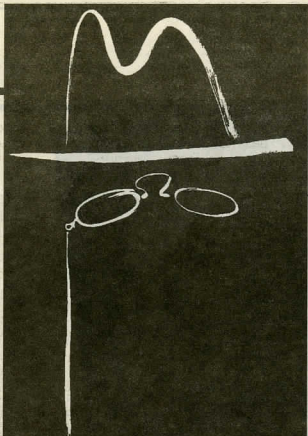

ВТОРОЙ ЧЕХОВСКИЙ

2

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ТЕАТРАЛЬНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ
ИМ.

А.П.ЧЕХОВА

МОСКВА • МАРТ • ИЮЛЬ 1996

“Излучение отцовства” – ранняя пьеса Кароля Войтылы, нынешнего Папы Иоанна Павла II, сыгранная в театре-студии “Сузирья” двумя украинскими артистами Ларисой Кадыровой и Сергеем Джигурдой и поставленная режиссером А.Кужельным, вызвала немало вопросов. Народная артистка Украины Л.Кадырова согласилась на них ответить.

– Лариса Николаевна, как случилось, что вы – звезда академического театра Украины, на фестиваль приехали со спектаклем театра-студии?

– “Сузирья” в переводе на русский означает “Созвездие”. Туда приходят многие наши артисты, если у них есть интересный театральный проект и возможность его осуществить. Я здесь сделала уже два спектакля: “Излучение отцовства” и “Письмо незнакомки” по Стефану Цвейгу.

– Эту работу вы тоже делали с Алексеем Кужельным. Вы нашли своего режиссера?

– Нет, просто так выпала судьба. Мне очень нравится с ним работать. У него есть вкус и он меня не подавляет, а помогает всеми средствами вывить мою творческую энергию. И тогда появляется ощущение, что ты сама все делаешь, хотя импульс, момент познания себя, пьесы, автора, мира, конечно же, исходит от режиссера.

– Кому принадлежит идея постановки пьесы К.Войтылы?

– Кужельному. Пьеса была напечатана, а у меня есть ее польский вариант. В Польше есть режиссер, который поставил все пьесы Войтылы и эту тоже, но там она решена как пьеса для чтения. Мы же на потоке мысли К.Войтылы построили свое ощущение Человека и Космоса, ощущение взаимоотношений двух людей в разных ипостасях: отец – дочь, он – она, мать – сын. От рождения ребенка до гибели.

– Когда Кужельный разбирал с вами пьесу,

не говорил ли он, что в ней сильно ощущаются ранне-альбигойские теории, видимо, присущие молодому Войтыле, который еще не начал профессионально трудиться в Церкви, а работал в театральном искусстве? Идеи альбигойцев очень сильно чувствуются именно в вашем спектакле. Я не знаю, как в пьесе, но в спектакле нет догмата триединства, а есть двуединство. Все-таки дуалистические теории альбигойцев достаточно еретичны, а пьеса написана человеком, который стал великим понтификом католической церкви. Вас это не смущало?

– Нет, и насколько я знаю, Кароль Войтыла уже в 27 лет говорил, что станет Папой. Он был убежден, что Бог или какая-то энергия свыше выбирает его лидером, ставит над ситуацией, над людьми, а он хочет быть обыкновенным человеком. Вот эту конфронтационную идею в нем как в человеке я ощущаю и в нашем спектакле. Но мне сейчас хотелось бы не конфликтовать с самой собой, а наполнить миром огромный мир, в котором мы существуем, и того человека, который мучается рядом со мной. И я думаю, что сделать это может только Женщина, которая есть основа основ.

– А в вашем спектакле – Мужчина. Все время идет противопоставление мужчина и женщины: отец и ребенок, мужчина и его отношения с действительностью, Женщина становится значимой фигурой только в финале. Слава Богу, Женщина – в вашем лице: вы сильнее и как личность и как актриса, вы убедительнее вашего партнера. А я весь спектакль думала: вот интересно, какое сильно патерналистское сознание у режиссера и, видимо, у драматурга. Здесь есть известное противоречие с католическим сознанием, где главная фигура все же Богоматерь.

– У меня меньше текста, но полное право заканчивать мысль. И в детских картинах и во всех остальных эпизодах. Я соединяла, я шла на сближение и объединение, я высекала искру. Может быть, это было подсознательно, но от

Urbi

(“Городу и миру” –

меня – женщины идет излучение отцовства. Женщина дарит и возвращает ребенка отцу. Мне глубоко убеждение, что именно Женщина приносит мир – и душевный, и духовный. Поэтому я взяла “Пьесу” Микельанджело как пластический образ спектакля, поэтому родилась и молитва “Отче наш” в финале.

– Вы сами это придумали, этого нет в пьесе?

– В пьесе вообще нет многого, что родилось в процессе работы над спектаклем. Там поток мысли, основная из которых – Любовь. Она не может оторваться от своего грунта, а грунтом каждой любви служит человек. Вот главная мысль, причем у драматурга она все время видоизменяется, варьируется, притом, что он постоянно кричит о любви. О любви к Отцу, к духовному порыву, к Женщине, к ребенку. И о не-

et orbi

обращение Папы Римского с благословением)

возможности узнать предначертание судьбы. Так я ощутила и прочитала пьесу.

Когда мы только начали работать над "Излучением отцовства", мы очень много внимания уделяли пластическому, хореографическому решению спектакля. Наш хореограф открывал в нас подсознательные стремления и просил двигаться так, как мы это ощущаем. И я поняла, что очень люблю встречаться в жизни со всем новым, чтобы брать, брать, впитывать и наполняться. Мне очень нравятся люди, которые могут дать новый импульс творчеству. Мне нужен человек, который сильнее меня. И пьеса К.Войтылы дала мне очень много в познании мира.

К сожалению, на фестивале мы играли спектакль на сцене, а у нас мы его играем в комнате. Там не существует барьера между сценой и залом, а здесь этот пространственный разрыв был очень болезненным. Я не видела глаза зрителей, не ощущала ответной энергии, между нами не случилось общения. Были только слова, а слова что? Вы помните у Тютчева: "Мысль изреченная есть ложь".

— А как приняли христианскую идею вашего спектакля на фестивале "Амманские дни" в Иордании, мусульманской стране?

— Театр в Иордании — не на таком уровне, как европейский. Но устроители пригласили со всего Востока много критиков и деятелей сцены. Была очень интересная итоговая конференция. Особенно мне запомнился египетский критик Наджиб. Он истинный мусульманин и его вера, конечно, сильно отличается от нашей. Но он —

просвещенный человек, а потому хорошо разбирается во всех других религиях. Он много рассказал нам о Кароле Войтыле, о католицизме, о различиях в православном и католическом сознании.

Было совершенно удивительно, как тонко он понимал наш спектакль и как много он в нем увидел. Он и многие другие, кто был на фестивале, очень верно чувствовали пластическое решение нашего спектакля. Восточные люди, пытаюсь поточнее найти и сформулировать мысль, перебирают четки, чтобы не высказать ложной мысли. Они очень ярко воспринимают жест и вкладывают в него более точные понятия, чем европейцы. Мы сыграли там два спектакля и получили главный приз — "Золотой диплом".

— То есть больше внимания они уделяли внешней, пластической стороне спектакля. А саму христианскую идею отвергли?

— Нет, они утверждают, что Бог един. Мне кажется, что истинно просвещенные люди должны понимать друг друга, искать точки соприкосновения, а не разъединения. И то, что мы в спектакле говорим о мире, о Золотом сечении Леонардо, о "Пьете" Микельанджело, о Чюрленисе, о чувстве двух идей — понятно, по-моему, человеку любой веры.

— Вам нравится ваша работа в театре "Сузирья", не так ли? Вы считаете, что здесь ваше творческое "я" проявляется более полно.

— Нет, здесь просто все другое. Когда ты вы-

ходишь на большую сцену, в тебе рождается огромная энергия, способная охватить большой зал. А в маленькой комнате появляется возможность такой тонкой вязи, которая невозможна в больших пространствах. Вот чем для меня сейчас важен Стефан Цвейг — почти никакой сценографии, мало визуальности, все идет вглубь. Театр как бы творится во мне, и возникают такие тонкости и кружева, которые не должны потеряться. И мне очень важно, чтобы зритель увидел и почувствовал эти нюансы. На большой сцене такого сделать невозможно, а здесь я могу сказать моему зрителю: "Люди, по-

смотрите внимательно, как все тонко, как легко это разрушить. Вот так же может оборваться и наша жизнь. Давайте же думать, сострадать и любить друг друга".

Беседовала Ирина АМИТОН.

● Кароль Войтыла (слева) на сцене, 1961.

